

К 90-летию со дня рождения protoиерeя Михаила Труханова. Неопубликованная беседа 1997 г.

4 сентября 2006 г. исполнилось 90 лет со дня рождения ныне уже покойного протоиерея Михаила Труханова — замечательного священника и пастыря, молитвенника и богослова, церковного исповедника, проведшего в сталинских лагерях 15 лет жизни. Батюшка был посажен в тюрьму за организацию в московском институте, где он учился кружка по изучению Библии. В те же 1930-е годы был отправлен в ссылку и там погиб его отец протоиерей Василий Труханов. Необыкновенная, непоколебимая твердость в вере, безграничное упование на волю Божию, строгость в соблюдении поста даже в лагере, всегдашняя горячая молитва отличали отца Михаила. По возвращении из лагеря он был по благословению патриарха Алексия I посвящен во дьяконы, потом рукоположен во священники, окончил эксперном Троицкую Духовную семинарию, потом Академию, получил богословскую степень и всю жизнь был приходским священником.

Опыт богословской мысли отец Михаил приобрел путем глубокого усвоения святоотеческого наследия и богословской литературы, а также благодаря личному аскетизму и молитвенному подвижничеству. В 1990-е годы, как только появилась возможность издавать церковную литературу, одна за другой стали выходить книги протоиерея Михаила: «Как спастись в современном мире. Апология христианского поста». М., 1993; «Об истоках христианской веры». М., 1993; «Прикосновение любви». М., 1994; «Дивны дела Твои, Господи. Слово о Шестодневе. Евхаристия. О Промысле Божием». М., 1995; «Первые сорок лет моей жизни». М., 1996 и др. Как создавались эти книги, знали те, кому посчастливилось общаться с батюшкой в воскресные и праздничные дни у него дома за общей трапезой. Они составлялись не как собрание цитат из Священного Писания и святых Отцов Церкви, человеком, у

которого были хорошая церковная библиотека, богословское образование, от природы острый ум и прекрасная память. «Тут - другое», — как любил говорить сам отец Михаил, когда речь заходила об Источнике премудрости. Поражали в разговоре знание отцом Михаилом Библейских текстов, Евангелия и вообще какая-то непривычная для меня форма владения знаниями. Я лично видел, что знания для батюшки были не группой организованных фактов, а живой тканью жизни, в которую он так основательно врос, что ему не было необходимости вспоминать что-то из прочитанного, чтобы подтвердить свою мысль. Поражало и то, с какой непосредственностью и свободой батюшка извлекал из себя эти знания, с евангельской простотой и мерой взвешивал и отдавал их пришедшем к нему людям. Когда ему задавали вопрос или же он сам спрашивал себя вслух, то при этом словно затрагивался нерв его души, и перед нами оказывался цельный человек, который всей своей душой и силой духа, но свободно и просто, отвечал на поставленный вопрос. Вообще мне всегда было страшновато сидеть там за столом и видеть, чувствовать эту необъяснимую уму метаморфозу со знаниями, которая происходила на моих глазах. Человек — для меня впервые — думал не так как нам привычно — размышляя и сопоставляя факты и создавая новую мозаику мысли с некоторой, обычной, погрешностью смысла. Здесь же мысль не просто рождалась в сердце и талантливо обрабатывалась умом, но она сразу исходила от чистого и сильного сердца, словно не нуждаясь ни в какой логической обработке. И у нее — у этой ясной и живой мысли — была своя неумолимая логика. Как Евангелие говорит в этом случае о Господе: думал и говорил «со властью», а не как книжники и фарисеи. Думать и говорить «со властью» живого светлого сердца можно было, наверное, обладая необык-

В доме о. Михаила. 1990-е годы.

Фото Г.П. Дурасова

новенной верой в Бога, Его Промысел, горя к Нему самой горячей сыновней любовью. Но это мои сегодняшние размышления о тех событиях, которых Господь сподобил меня быть свидетелем. Тогда же были — только изумление и трепет.

Однажды в неурочное время мы вдвоем с Михаилом Мальцевым (тогда еще не священником) приехали к батюшке, и он неожиданно рассказал нам несколько случаев из лагерного периода жизни, которые не попали в мемуары «Первые сорок лет моей жизни...». Видя, что мы записываем его слова на диктофон, он благословил напечатать эти свидетельства только после его смерти. Эта беседа была о Промысле Божием в жизни священника Михаила — той форме близости с Богом, когда, по слову Спасителя в Евангелии от Иоанна, уходит рабство, а начинается сыновство Богу. Тогда и знания, в том числе и научные приобретают статус материала для спасения людей, нуждающихся в помощи. Исчезает та холодная отстраненность, которая обозначается словом «прогресс», исчезает замкнутый круг «наука для науки». Конечно же, здесь нет и тени превознесения человека, получившего от Бога знания в откровении, над теми учеными (и их методами), которые опытным путем приходят к новому знанию. Ставится лишь вопрос о том, что путь науки должен быть сопряжен с Промыслом Божиим, а не с абстрактным прогрессом, ведь первое исходит из истинного блага человека, а второе — из его мнимого.

Начало беседы не попало на диктофон, но, насколько я помню, батюшка отзывался о книге, где исследовались разные формы креста. С его

ответа на эту проблему, и начиналась наша беседа 18 июня 1997 г.

О. Кириченко

+++

Догматически самый правильный крест — это отнюдь не восьмиконечный, а четырехконечный. Высота означает непостижимость Отца Небесного, нижний конец креста указывает на глубину смирения, низшедшего до адовых глубин Сына Человеческого. Поперечный — это широта, вездесущее Духа Святого. Середина — это святость и любовь, которая связывает все отрочи креста. Все наши восьмиконечные, шестиконечные кресты только в каком отношении могут быть приемлемы. Но святость креста как таковая, она догматически основывается на четырех концах. Меня когда-то владыка Серафим, ныне давно покойный, послал в единоверческий приход. Я там служил одну службу, пока не назначили постоянного священника. Единоверцы, прямо скажу, благоговели перед старообрядцами. Восьмиконечный крест у них в большом почете. Он у них всюду. Дают просфорки и даже на них изображается восьмиконечный крест. И я, когда первый раз увидел богослужебную просфору, подумал: «Да как же тут вынимать частицы?» Посмотрел их служебник их же выпуска и оказалось, они вынимают частицы, как и мы, при четырехконечном кресте на просфоре.

Батюшка что такое благочестие? (Михаил Мальцев)

Это исполнение заповедей Божиих, но с любовью. Вот отличительный признак благочестия. Я могу формально, как фарисей, исполнять заповеди. «Но так и быть: я не ворую, не клевещу, я — вот!» Но когда вы с любовью делаете доброе дело, то у вас будет другое отношение. Как я могу воровать у человека, который для меня является образом, иконой Христа Спасителя. Сам Христос говорит: «Все, что вы делаете ближнему, делаете Мне». Значит, я оклеветал Олега, а в лице его оклеветал Самого Христа. Если только подумать, то какой ужас должен охватить человека, если он это позволил сделать. Я украл у Христа. Да тут ночи спать не будешь. Вот это и приводит к тому, о чем пишет апостол Иоанн Богослов: «Мы не можем грешить, потому что мы познали Христа».

А познается Христос любовью. Любовь познается только любовью. И отсюда та праведность, та святость последователей Христа. Она вынужденная, так сказать. Ну как я вам могу причинять какое-то зло, если я вижу в вас Христа Спасителя. Все отношения наши — отношения ко Христу. И это основа нашего добросовестного отношения к людям. Вы чувствуете другого не фарисейски, формально, а по сути, видите внутренне «я», исполненное благочестия, основанного на любви ко Христу. Я не могу просто предать человека, оклеветать его, потому что это противоречит... Какой я последователь Христа, если я намерен бить его ближнего?

Вот почему святоотеческое учение говорит о том, что благочестие — это когда мы все исполняем, то что Бог заповедует, но с любовью. Мы можем так сказать формально. Я вот не блудник. Григорий Богослов про себя пишет: «Я по телу — чист, а по душе, в сердце — я не знаю. Во всяком случае, я грешен. А так, вообще, я чист от греха блуда какого-то». Но Василий Великий еще раньше пишет, что «можно согрешить и мыслью и быть чистым по телу, но в мыслях быть преступным против всего естества человеческого». Потому, что нас искушают наша плоть, мир, в котором мы живем и дьявол. Вот эти три источника искушения — силы в нас, вне нас и духовные силы, с которыми приходится нам сражаться, чтобы устоять в благочестии и чистоте. И горе нам,

если мы клюем на что-то. Я целомудренный человек, потому что сохранил свое тело от греховной скверны. Но с другой стороны, — а мысли наши?! Вот почему: «От тайных моих очисти мя», как сказано в Псалтири. Апостол Павел, помните, пишет: «...срамно есть и глаголати, что бывает у язычников, не нужно брать у них пример». И еще: «Если вы слышите срамословие, то знайте, что их поведение еще более гнусно, чем они говорят языком. По одному срамословию можно судить, каков есть человек. Если он позволяет что-то постыдное в речах своих, значит, знайте, что у него худшее, что он делает». Жизненный путь этих преступников еще более страшен, потому что они не считаются уже ни с какими нормами.

В Апокалипсисе сказано: когда находящиеся под престолом стали кричать-вопить Богу: «Доколе Ты не мстишь за кровь нашу?» Господь одел их в другие — светлые — одежды и сказал: «Потерпите доколе сотрудники — братья ваши не дополнят число ваше». Самая распространенная церковная молитва Иисусу — «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас». Даже тогда, когда священник ссыпает с дискоса в Чашу вынутые частицы и произносит: «Отмой Господи грехи наша честною Твою Кровию, молитвами святых отец наших». Видите, святые удостоены сопребывания с Богом, они находятся в Царствии Божием, в Царстве любви, а это Царство не имеет никакого проход-

Беседа за обеденным столом (1990-е годы)
Фото Г.П. Дурасова

ногого билета, кроме самой любви. Нет у меня любви — никакие заслуги меня туда не проведут. А любовь не может быть без смирения. Любащий — он там, он удостоен святости, вы его не можете заставить не молиться, потому что для него это такая же потребность, как для Господа. Господь хочет спасения всем человекам. И вот он — любящий Бога и Его творение, а тем более образ Его в человеке молится о нас. Потому важно, чтобы и мы обращались к ним. Они ближе к нам.

Преподобный Андрей Христа ради юродивый, когда был восхищен на небо, то среди небожителей не увидел Божией Матери. И ему было сказано, что тут Ее в славе нет, Она на земле молится и помогает людям. Это, конечно, простонародное суждение, потому что святые могут быть и там, и тут. Святые и, конечно, Божия Матерь не могут не молиться. В этом наше счастье и наша радость, потому что они исполнены той любви Божией, которая не имеет границ. И если я сам пребываю в любви, мне хочется, чтобы и те, кто еще не пришел к этому, чтобы и они пришли. Я стараюсь своей молитвой восполнить недостаток или воспламенить ту молитву, ту любовь, которой не хватает у моих сродников по плоти. Помните притчу о богатом и Лазаре. Там нечестивый богач, тем не менее, печется, находясь в аду, о своих живых сродниках — даже ему это не чуждо. А сколько сейчас новомучеников и исповедников Российских — нередко родные нам по плоти — денно и нощно вопиют о нас пред Богом ... Они предупреждают нас, стараются, чтобы мы жили богоугодно. В книге, где речь идет о заупокойных литиях, я привожу слова из своей проповеди: «Хотите помочь своим усопшим сродникам — живите свято сами». Если я буду жить свято, то один мой вздох о них уже много может сделать. Важно одно — та самая сострадательная любовь, которая одна может изменить всю судьбу их. Св. прав. Иоанн Кронштадтский не мог физически прочитывать все поминальные записки, которые ему передавали корзинами, эти многотысячные помянники. Что он делал? Он опускался на колени и клал руки на эти корзины с просфорами и с записками. И пребывал так в течение десяти-пятнадцати минут. Безгласная молитва, не знаю, какую уж он возносил? И все исполнялось, как будто он сам прочитал. Но для этого нужно исполниться такой любвеобильности, как сказано у пророка Исаи: «ты еще не кончишь прошения, как уже получишь ответ....». Вот какую надо иметь любовь нам, молитвенникам, благословенным Богом... Тогда мы поистине как за свою душу будем молиться. И особенно о страждущих и особенно о болящих, особенно о

тех у кого какие-то скорбные состояния. Почему я говорил уже относительно отца Алексея Мечева. Храмов много в Москве, он служит, но не на что существовать, обеспечивать семью. От безысходности поехал к отцу Иоанну Кронштадтскому. Приехал к нему, а тот говорит:

— «А ты — молись».

— «А я молюсь».

— «Нет, ты не так молись как ты молишься, а ты входи в нужды людей. Вот к тебе пришел человек, ты узнай какая у него скорбь, да помолись как за свою душу, чтобы Господь его благословил. Увидел какого болящего — тоже за него молись, если воля Божия есть, он будет исцелен. Господь тебя на это послал. Ничего-ничего, иди-иди».

И вот через полгода храм не стал вмещать приходящих. А прежде почти никого не было. Вот как стал он молиться. Тут самое главное... Мы ведь как привыкли: ты вынул коробку конфет, а я... понятно, должен... Но я так и быть выну частичку за тебя. Это не то, это — корысть. А нужно, чтобы было мое бескорыстное отношение....

Когда мне было десять лет отец звал меня «профессором». Но вот, видите, я до сих пор не профессор. И что? Я знаю, тут — другое. Я за это всегда благодарю Бога и всегда буду благодарить. Если что-то мне нужно, жизнеспасительно, — а я болван по природе, ничего не умею, ничего не знаю, не просвещенный, не ученый — но я знаю Того, в ком источник всякой мудрости, благодатной мудрости, исходящей свыше, Я только говорю Ему: «Господи, вразуми меня, руководи мной, если Тебе угодно — вот, пожалуйста». И тогда я начинаю говорить то, что еще пять минут я не знал, с какого края начать. Это не сказки. Меня прислали на тринадцатом или на четырнадцатом году лагерных похождений в каторжный лагерь — последнее мое местопребывание в лагерях. Сижу я в карцере. Ну, трехнедельный карантин, чтобы проверить, с чем я пришел на новое место? Может быть, заразу какую-нибудь принес. Прошло дней семь, обход делается. Спрашивают нас — врач или фельдшер — кто на что жалуется. И между прочим говорят: «У нас несчастье какое в лагере — брюшной тиф». Шесть человек врачей, майор медицинской службы — начальник санчасти, бывшие в лагере, — никто не был знаком с эпидемиологией, с эпидемиями, не знал специфики брюшняка. Посадили меня за Библию, я молюсь всегда, слава Богу, и я стал молиться, как быть в этой ситуации? И ответ был такой: «Ты — иди и говори». И я говорю врачам: «Я могу сказать». Прошло после этого два часа, приходит начальник санчасти, тот самый военный еще с одним врачом посмотреть на этого

типа, который вызвался говорить о болезни. Посмотрели и спрашивают: «А вы можете?» (Вздохнули). Я уже теперь тверд; у меня нет никакого сомнения, когда я знаю, что есть благословение Божие. «Могу». Тогда мне начальник санчасти и говорит: «Сегодня на закате солнца (а это было летнее время) будет демонстрироваться фильм. Перед началом фильма тогда вы уж, пожалуйста, хоть десять минут, скажите об этом брюшняке, как остерегаться, что предпринимать, как быть». Говорю: «Пусть за мной кто-то придет, потому что я же не знаю, когда это будет». «Хорошо». Перед демонстрацией фильма за мной пришли. Я поднимаюсь на подмостки, где уже натянуто полотно экрана и начинаю говорить. Присутствует тут же шесть человек врачей и с ними начальник санчасти. Я говорю минут тридцать пять. Потом даже отвечал на какие-то вопросы. Когда все закончились, начальник санчасти говорит: «Знаете что, зайдемте в стационар. Сейчас вы возьмете какого-нибудь санитара и пойдете из карцера сюда. Тут я отведу вам место, где вы будете находиться». И по пути он мне говорит: «Вот видите, какое несчастье, а у нас нет эпидемиологической лаборатории. Слушайте, вы могли бы организовать?»

— «Конечно», — говорю.

— «Что вам нужно для этого? Я завтра поеду в управление каторжных лагерей и оттуда привезу все, что вам нужно».

— «Что нужно?» И я как будто десять или двадцать лет находился на этом посту, отвечаю ему: «Агар-агар, травостат...». Он все записал. И тут же говорит: «Мы уже третий год существуем, а у нас даже клинической лаборатории нет. Потому что никто из врачей не может ее вести. Вы могли бы?»

— «Конечно».

— «Так у меня в лагере есть все эти микроскопы, пробирки и все что нужно есть».

— «Слава Богу», — говорю.

— «Вы знаете что, вы здесь размещайтесь, идите к санитарам, заберите вещи, вот тут в этой палате и живите. А где вы будете размещать лабораторию?»

Говорю: «Где у вас есть свободное помещение, изолированное совершенно, там и организуем свою эпидемстанцию».

Протоиерей Михаил Труханов (1990-е годы)
Фото Г.П. Дурасова

С этого дня я официально стал числиться «врачом-эпидемиологом» и «заведующим клинической лабораторией». И в скобках могу заметить, что после окончания срока — я освобождался из этого лагеря — мне дали прекрасную рекомендацию. Написали, что я выполнял и то-то, и то-то, и, кроме того, было записано: «врач-бактериолог» и «заведующий клинической лабораторией». Слышите! Вот перед Богом говорю, что я ни одного шага не делал ни в один медицинский институт, ни в одну медицинскую школу. Слышите! Но я знаю Того, Кто знает все. Если Он мне даст по благодати для того, чтобы это было жизнеспасительно, — для меня ли, или для кого-то — вот тогда Господь дает знание. Такое знание, что никогда никто из тех, кто учился в институтах, академиях, с этими знаниями спорить не будет.

Я приведу еще одно доказательство в таком же духе. Речь пойдет о раке. Специалистов по этой болезни в лагере, где я находился, не было. К тому времени ко мне здесь относились уже с уважением: врачи обращаются с вопросами, я им отвечаю. Шесть человек врачей — толковых, один был фтизиатр, специалист по чахотке. Начальник санчасти сетовал, что люди болеют раком, а ни

одного специалиста по этой болезни нет. Был один профессор, знаток онкологии, но он брезгливо относился к делу просвещения здесь, в лагере: «Что я вам, вроде как дуракам, буду говорить, все равно ничего не поймете». И начальник напрямую мне предложил: «Не могли бы вы сказать на эту тему». Он уже знал наши способности и источник нашего знания. Я говорю: «Если что — давайте, только нужно как-то это организовать». Он: «Я все сделаю. Со всего лагеря — а там 20 отделений — съедутся врачи, и вы сделаете перед ними доклад». «Хорошо», — отвечаю.

Доклад сделан. Отвечаю на вопросы. Задает и наш профессор свой вопрос: «У меня может быть не совсем корректный вопрос к вам. Каким образом вы пользовались той литературой, которая вышла за последнее время по онкологии, в то время когда вы были не на свободе?» Выходит, я цитировал какие-то книги или ссылался на каких-то авторов в своей лекции. Я в душе-то только возблагодарил Бога, но мог ли я им сказать, каким источником я пользовался. «Ну, знаете, — говорю, — это не касается существа доклада, а если есть вопросы по докладу, я еще буду отвечать. Я ушел от ответа, а что мне оставалось делать? (Улыбается)

И сегодня, особенно вам, молодым, я говорю твердо и ясно из собственного опыта: «Читайте Евангелие, вчитывайтесь в евангельский лик Христа Спасителя, еще более прочно учите наизусть, болваны, тексты евангельские, потому что они на всю жизнь пригодятся». Источник мудрости — слово Вышняго. Евангелие — вершина Библии. Сам Христос говорит. Как у митрополита Вениамина Федченкова читаем: «Христос сказал — какие вопросы?» Чего вы еще мудрите: «А может ли это быть?» Да гадость такая, несмысленыш, кто ты такой? Пигмей. Тебе ли сомневаться, тебе ли задавать вопросы нелепые: «Было или не было, а как могло такое быть?» «А как, скажите, можно пятью хлебушками накормить пять тысяч?». Только безумие, только невежество человеческое может задавать такой глупый вопрос. Против фактов не попрешь. Факты — вещь упрямая. Академик Иван Петрович Павлов — христианин до конца жизни — говорил: «Факты — вещь упрямая». Видите, сейчас экстрасенсы тоже исцеляют и эти люди, не верящие в Евангельский текст, говорят: «Ваш Христос, Он, видимо, был таким, как эти экстрасенсы. Кого коснется рукой, тот исце-

ляется». Слышите, какая мерзость? Это опять вроде как «сила Вельзевулова» действует. Опять никак не могут принять этой Божественности, им страшно. Признать Божественность — значит, нужно самим как-то на колени встать перед этой Божественностью, а им не хочется, потому что дьявольщина, гордыня не любит кланяться.

Поэтому главное условие — смирение. Через смирение обретается благодать. А благодать учит нас, наставляет: когда, кому, что и о чем говорить. Это какая радость, и думать-то не надо! Как хорошо! Прямо хорошо. Михаил, а?! Ну, прямо отлично.

Но только подумаешь: «Господи, Господи! Ну, а если я что-то знаю сам по себе»?! И тогда Господь уже не дает мне. «Ах, ты надеешься на себя, ну пользуйся своим знанием». И тогда я оказываюсь по-настоящему невеждой. А когда я со смирением говорю: «Господи, да ничего я не знаю, я болван непросвещенный, если Ты соблаговолишь быть со мной — будь при устах моих». Тогда все Господь дает. Но опять... со смирением. Если я чуть-чуть вот так, то от меня это сразу отпадает, и я, действительно, являю перед вами образец болвана. Сами подумайте, мог ли я вот это в воспоминаниях подчеркнуть? Нет¹. Потому что никто бы не поверил. Сказал бы: «Ну, шарлатан». Но, позовите, если хотите, у меня же документы есть, в конце концов. В условиях лагерных когда, the straf of live — «борьба за существование» была такая острая, что меня бы пинком выгнали, ни одного дня бы не дали просуществовать, если бы я в чем-то не соответствовал, был не тем, за кого они меня приняли. А тут как раз другое. Такое, что вот так! Все эти дипломированные врачи, кандидаты наук, они вынуждены были признавать это, потому что та мудрость, которую нам дает Господь, она всегда будет выше той мудрости, которую мы черпаем где-то в наших институтах и академиях.

Другая история. Я, священник, ни одного класса семинарии не имел, конечно. Рукоположен сначала в сан, а потом уже по благословению патриарха Алексия I, иду в семинарию сдавать экзамены. За два дня я сдаю все по семинарии и за первый курс академии. Почему опять?! Вы думаете, что у меня какие-то таланты. Да если меня пропустить обычным порядком — с первого класса семинарии до последнего — я никогда бы ее не закончил. Ну, поверьте! Потому что вот у меня ни голоса, ни слуха, в музыке я не просто

¹ Речь идет об опубликованных воспоминаниях «Первые сорок лет моей жизни», где все эти чудесные события автором не упоминаются.

профан, я — никто. И если бы меня пропускали через классы пения или музыкальной грамоты, мне бы их не пройти. А Господь так сделал, зная, что этот болван ни на что не способен. Он скажет: «Да Я его пропущу так, без учёбы». Что я делал? В первый день я 13 предметов сдал при поступлении в семинарию. Я практически шел по кабинетам: в один — зайду, во второй — зайду, в третий зайду. Один вопрос отвечу, говорят: «Все — уходите, пятерка вам». Во второй день семь предметов я сдал. И когда я зашел в класс музыки — я уже был священником, — они говорят: «Вы с прихода?» Отвечаю: «Да с прихода». «Пять вам». Они меня даже не стали спрашивать. Кто это сделал? Только Господь. А если бы они меня ковырнули, то не то чтобы двойку, я бы единицу не получил. Ветхий Завет сдаю последним. За столом сидит вся корпорация из шестнадцати преподавателей. Преподаватель Ветхого Завета задает вопрос: «Вот скажите, почему Моисей не вошел в землю обетованную?» Две минуты был ответ. Он говорит: «Вы все слышали его ответ, я ставлю ему пятерку». За две минуты я отчитался по Ветхому Завету за курс семинарии. После этого по набранным балам меня перевели в академию. Что это такое? Это водительство Божие! Вот так Господь меня и водил по тюрьмам, лагерям и пересылкам, и поэтому я сейчас и ночью, и днем, всегда благодарю Бога за все прожитое. Потому что это все — чудесное проявление милости Божией.

И последнее. Меня везут из Унженских лагерей на Дальний Восток к Тихому океану, в бухту Ванина, там знаменитая станция наших военных подводных лодок. Я писал в книге, что, когда меня хотели сгноить в штрафном лагере, там меня Господь как раз прославил явно. Я вдруг делаюсь изобретателем. Я — болван из болванов! И вот будучи в Унженском лагере, со мной был такой случай. Там была вольнонаемная врач, муж у нее — какой-то крупный чекист в лагере, заместитель по политотделу, крупный партийный работник, какой-то там полковник, КГБ, конечно. Ему досталась секретно выпущенная книга для специалистов по атомной энергии. А он не мог в ней разобраться. Его жена, зная меня, сказала ему, что есть в лагере заключенный, у которого голова какая-то особенная. И они мне дали книгу, чтобы я прочитал и пересказал ее доходчиво. Врач мне передала, что муж ее хочет встретиться со мной — сам придет ко мне, чтобы я пересказал содержание книги понятным языком. Они пришли вдвоем, закрыли мы комнату, и я им рассказал суть этой атомной энергии.

Далее, нас этапируют. В Свердловске — это бывший Екатеринбург — в пересыльной тюрьме

скопилось человек двести — 194, если быть точным. Братия самая разнокалиберная. Были там какие-то блатняки, но их не много, как всегда, главари главным образом. Основная же часть — кандидаты наук, инженеры, врачи, в общем интеллигенция. Пока ехали дорогой, я сказал, что читал интересную книжку недавно. Ребята: «Михаил Васильевич, расскажите нам». Я встал в камере у самой «кафедры». Кафедра какая? Вот дверь, в ней кормушка, которая открывается, когда нам что-то выдают. Там глазок над нею, в него надзиратели смотрят что мы делаем. Каждые два часа они меняются. Тут же параша — вот эта «кафедра». Я встал здесь, передо мной трехэтажные нары и стал говорить о содержании книги по атомной энергии. Говорил час или немножко с хвостиком об этой атомной энергии почему она имеет такую разрушительную силу. Со школьных и институтских лет у меня остались в голове эти структурные формулы. Я хорошо представляю себе атомное ядро, как оно устроено, что такое атомный вес, таблицу Менделеева я достаточно хорошо знал, по крайней мере, в то время.

Я говорил. Форточка за спиной открывалась и закрывалась, я на нее не обращал внимания. Но, видимо, где-то было записано в моем кондурите, что это специалист по атомной энергии. Меня пригнали в Свердловск, когда я уже 7 лет просидел в Унженском лагере. У меня первый срок был 8 лет по Особому совещанию. И вот когда я просидел 12 лет, мне «шыют» такую статью: «Руководитель какой-то атомной банды, которая решила сбросить атомную бомбу на Кремль». Это сейчас звучит как анекдот, но знайте, что тогда это было самым серьезным обвинением. Начальник следственного отдела меня допрашивает: «Признавайся, гад, кто у тебя сообщники? Нам известно, что ты еще в 1947 году (а это — 1953 г.) этим занимался». Я говорю: «Да нет. Во-первых я над Кремлем никогда никакую бомбу не могу бросить, потому что я — христианин, а там древнейшие святыни наши, как же я буду бросать. Как христианин я даже муху не могу убить, а стараюсь только ее отогнать, а там же — люди».